

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Республики Узбекистан А.

город Санкт-Петербург

16 июля 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Республики Узбекистан А. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав заключение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с пунктом 1 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). Согласно пункту 2 статьи 61 того же Кодекса родительские права, предусмотренные его главой 12, прекращаются по достижении детьми возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), а также при вступлении несовершеннолетних детей в брак и в других установленных законом случаях приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия. В статье 69 названного Кодекса перечислены обстоятельства, при которых родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, в частности если они жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность; совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

1.1. Конституционность приведенных положений оспаривает гражданка Республики Узбекистан А., отец которой, Д.Р., приговором суда признан виновным в совершении в отношении нее (в период с сентября 2015 года по сентябрь 2021 года) и ее несовершеннолетней сестры преступлений, предусмотренных статьей 132 (пункт «а» части третьей и пункт «б» части четвертой) УК Российской Федерации, с назначением наказания в виде 14 лет и 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

В принятии искового заявления А. к Д.Р. о лишении его родительских прав отказано определением судьи районного суда со ссылкой, в частности, на статьи 54, 69 и 70 Семейного кодекса Российской Федерации, ввиду того что к моменту подачи иска заявительница достигла совершеннолетия. Оставляя это определение без изменения, вышестоящий суд в апелляционном определении сослался на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащиеся в пункте 2 постановления от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав». В передаче кассационной жалобы на названные определения, а также определение судьи кассационного суда общей юрисдикции, которым они оставлены без изменения, для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации было отказано.

Ранее решением районного суда (до совершеннолетия заявительницы) Д.Р. был ограничен в родительских правах в отношении нее и трех остальных его несовершеннолетних детей. Решением того же суда, принятым по исковому заявлению матери заявительницы, Д.Р. лишен родительских прав в отношении ее младших братьев и сестры. Суд указал, что ответчик использовал родительские права в ущерб интересам детей, уклонялся от выполнения родительских обязанностей, в том числе от уплаты алиментов, а также совершил умышленные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних дочерей, в том числе А.

1.2. По мнению заявительницы, оспариваемые нормы по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, противоречат статьям 2, 17 (часть 1), 18, 19, 21 (часть 1), 23 (часть 1), 38, 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации постольку, поскольку лица, в отношении которых (членов семьи которых) родитель совершил умышленное преступление против жизни и здоровья, не имеют возможности разорвать юридическую связь с таким родителем посредством лишения его

родительских прав, если к моменту обращения в суд с исковым заявлением о лишении родительских прав или во время рассмотрения судом таких исковых требований они достигли совершеннолетия.

В приложенных к жалобе копиях судебных постановлений указано, что в исковом заявлении о лишении отца родительских прав А. ссылалась на совершение им в отношении нее умышленного преступления против жизни и здоровья. Вместе с тем, как следует из иных представленных материалов, отец заявительницы был признан виновным в совершении преступлений против половой неприкосновенности заявительницы и ее сестры. Отказ же в принятии искового заявления А. к рассмотрению был обоснован судьей суда первой инстанции лишь тем, что заявительница достигла совершеннолетия к моменту обращения в суд; при этом конкретное преступление как основание для лишения родительских прав не учитывалось.

Исходя из предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу на нарушение конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки их нарушения в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с участием заявителя, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый акт Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Таким образом, взаимосвязанные пункт 1 статьи 54, пункт 2 статьи 61 и статья 69 Семейного кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на их основании решается вопрос о

возможности прекращения правовой связи достигшего совершеннолетия гражданина с родителем, ранее совершившим в отношении него преступление, совершение которого является основанием для лишения родительских прав.

2. В Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации; они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статья 2; статья 17, часть 1; статья 18 Конституции Российской Федерации).

Утверждая приоритет личности и ее прав во всех сферах отношений, Конституция Российской Федерации обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения (статья 2; статья 17, часть 2; статья 21, часть 1; статья 75¹).

Кроме того, согласно Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1); каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41, часть 1); права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что поскольку ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, постольку никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав и свобод (постановления от 9 июля 2013 года № 18-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П и др.); применительно к достоинству личности потерпевшего от преступления конституционные предписания диктуют обязанность

государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы, а также защищать собственное достоинство любыми не запрещенными законом способами. Иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только преступником, но и самим государством (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 26 октября 2021 года № 45-П и др.).

При регулировании общественных отношений федеральный законодатель связан конституционным принципом соразмерности и вытекающими из него требованиями адекватности и пропорциональности используемых правовых средств; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, он должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями таких ограничений меры (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 21 марта 2013 года № 6-П, от 11 ноября 2014 года № 29-П, от 20 июня 2018 года № 25-П, от 24 февраля 2022 года № 8-П и др.).

С учетом особенностей объекта преступного посягательства и тяжести последствий преступления для восстановления и защиты прав потерпевшего может быть необходимо не только возмещение причиненного преступлением вреда, но и применение иных правовых мер. В частности, покушение на половую неприкосновенность ребенка и совершение умышленного преступления против жизни и здоровья своих детей являются основаниями лишения родительских прав (абзацы пятый и седьмой статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации).

3. Согласно Конституции Российской Федерации семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства, причем забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей, а трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях (статья 7, часть 2; статья 38); ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Исходя из Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 года, предусматривающей, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения (преамбула), Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года обязывает государства-участники обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (пункт 2 статьи 3), и принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке (статья 19).

Конкретизируя приведенные основополагающие принципы, связанные с защитой детей, федеральный законодатель в рамках своих дискреционных полномочий закрепил в Семейном кодексе Российской Федерации в числе принципов регулирования семейных отношений обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних детей (пункт 3 статьи 1), учитывая, что несовершеннолетние, как правило, беззащитны перед взрослыми и находятся в зависимом от них положении.

Семейное законодательство, как следует из статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации, исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (пункт 1); запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, при этом права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан (пункт 4).

Согласно же статье 7 Семейного кодекса Российской Федерации граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений (семейными правами), в том числе правом на защиту этих прав, если иное не установлено данным Кодексом; осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан (пункт 1); семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав (пункт 2).

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и Семейного кодекса Российской Федерации вытекает, что права и обязанности родителей и детей носят взаимный характер (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2008 года № 1055-О-П и др.).

3.1. В соответствии с пунктом 2 статьи 61 Семейного кодекса Российской Федерации по достижении детьми возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), а также при вступлении несовершеннолетних детей в брак и в других установленных законом случаях приобретения детьми

полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия прекращаются родительские права, предусмотренные главой 12 названного Кодекса, т.е., в частности, права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей (статья 63), по защите прав и интересов детей (статья 64).

Статьей 69 Семейного кодекса Российской Федерации установлено, что родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они: уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Лишение родительских прав производится в судебном порядке. Дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению одного из родителей или лиц, их заменяющих, заявлению прокурора, а также по заявлениям органов или организаций, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и других) (пункт 1 статьи 70 Семейного кодекса Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что положения статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации в системной связи с другими нормами того же Кодекса предусматривают, что лишение родительских прав как крайняя мера ответственности применяется судом только в случае виновного противоправного поведения родителей в

отношении своих детей и только в ситуации, когда защитить права и интересы детей другим путем невозможно (определения от 16 ноября 2006 года № 476-О, от 21 ноября 2013 года № 1834-О, от 24 октября 2019 года № 2827-О, от 28 мая 2020 года № 1166-О, от 30 мая 2024 года № 1213-О и др.). Из этого же исходит и правоприменительная практика (пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»). Исключительный характер этой меры обусловлен вытекающей из статьи 38 Конституции Российской Федерации необходимостью стремиться к сохранению отношений между родителем и ребенком и предопределяет возможность восстановления в родительских правах родителей, которые изменили поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка (пункт 1 статьи 72 Семейного кодекса Российской Федерации).

Соответственно, несмотря на то что последствия лишения родительских прав выходят за рамки утраты родителями прав, предусмотренных главой 12 Семейного кодекса Российской Федерации (пункт 1 статьи 71 и пункт 5 статьи 87 названного Кодекса), семейное законодательство, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, не предусматривает возможности лишения родительских прав в отношении совершеннолетнего лица (определения от 28 марта 2024 года № 635-О и от 30 мая 2024 года № 1213-О). Из этого же исходит и судебное толкование, содержащееся в пункте 2 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому достижение ребенком возраста восемнадцати лет (совершеннолетия) либо приобретение им полной дееспособности до достижения названного возраста препятствует принятию искового заявления о лишении родительских прав (пункт 1 части 1 статьи 134 ГПК Российской Федерации), а если производство по делу

возбуждено, предполагает прекращение производства по делу (абзац второй статьи 220 ГПК Российской Федерации).

3.2. С прекращением родительских прав, предусмотренных главой 12 Семейного кодекса Российской Федерации, правовая связь между совершеннолетними детьми и родителями не исчерпывается (не прекращается). Так, родство имеет значение в жилищных правоотношениях (например, согласно части 1 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации к членам семьи собственника относятся дети и родители, совместно проживающие с ним в принадлежащем ему жилом помещении) и наследственных правоотношениях (родители наследодателя относятся к наследникам первой очереди в соответствии с пунктом 1 статьи 1142 ГК Российской Федерации). Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них (статья 87 Семейного кодекса Российской Федерации). Родители могут независимо от совместного проживания подать заявление о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства (часть вторая статьи 281 ГПК Российской Федерации) и наряду с другими близкими родственниками и супругом имеют преимущественное право быть опекуном (часть 5 статьи 10 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»). Правовые последствия с наличием родства связывает и Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: например, после смерти гражданина допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в частности супругу (супруге), близким родственникам (детям, родителям и др.), если гражданин или его законный представитель не запретил разглашение сведений, составляющих врачебную тайну (часть 3¹ статьи 13); в случае отсутствия волеизъявления совершеннолетнего дееспособного умершего право заявить о своем несогласии на изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) имеют супруг (супруга), а при его (ее)

отсутствии – один из близких родственников, включая детей (часть 7 статьи 47).

В ряде случаев закон позволяет учесть, что родитель, в том числе и не лишенный родительских прав, нарушал интересы ребенка. В соответствии с пунктом 5 статьи 87 Семейного кодекса Российской Федерации дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, если судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения родительских обязанностей; при этом дети освобождаются от уплаты алиментов родителям, лишенным родительских прав. По требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (пункт 2 статьи 1117 ГК Российской Федерации), в то время как не наследуют по закону родители после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства (абзац второй пункта 1 той же статьи). Кроме того, гражданин может распорядиться своим имуществом на случай смерти путем совершения завещания, в том числе лишив наследства наследника по закону, однако свобода завещания ограничена правилами об обязательной доле в наследстве (пункт 1 статьи 1118, пункт 1 статьи 1119, статья 1149 ГК Российской Федерации), за исключением случаев, когда речь идет о недостойных наследниках (пункт 4 статьи 1117 ГК Российской Федерации).

Такое регулирование, позволяющее, по существу, достичь в определенных ситуациях тех же правовых последствий, к которым приводит лишение родительских прав, не может, однако, рассматриваться в качестве достаточных и адекватных гарантий защиты прав потерпевших (статьи 21, 23 и 52 Конституции Российской Федерации), родители которых до достижения ими совершеннолетия совершили в отношении них преступление, совершение которого является в соответствии с законодательством основанием для лишения родительских прав, тем более что, как следует из

приведенного регулирования, не во всех случаях закон позволяет это обстоятельство учесть. Возможность изменить без согласия родителя фамилию и отчество (статья 58 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»), отражающие правовую связь с ним, также не может считаться мерой, достаточной для всеобъемлющей охраны достоинства личности.

4. Согласно пункту 1 статьи 137 Семейного кодекса Российской Федерации усыновители и усыновленные приравнены в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родителям и детям.

4.1. По общему правилу, закрепленному в статье 144 Семейного кодекса Российской Федерации, отмена усыновления ребенка не допускается, если к моменту предъявления требования об отмене усыновления усыновленный ребенок достиг совершеннолетия. Вместе с тем указанное законоположение допускает прекращение правоотношений, вытекающих из усыновления, и по достижении ребенком совершеннолетия с соблюдением перечисленных в нем условий (а именно наличие взаимного согласия усыновителя и усыновленного ребенка, а также родителей усыновленного ребенка, если они живы, не лишены родительских прав или не признаны судом недееспособными).

При этом в соответствии со статьями 140 и 141 Семейного кодекса Российской Федерации отмена усыновления ребенка производится в судебном порядке в случаях, если усыновители уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребляют родительскими правами, жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; суд вправе отменить усыновление ребенка и по другим основаниям исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

Согласно статье 142 Семейного кодекса Российской Федерации правом требовать отмены усыновления ребенка обладают его родители, усыновители ребенка, усыновленный ребенок, достигший возраста четырнадцати лет,

орган опеки и попечительства, а также прокурор. В силу статьи 143 данного Кодекса отмена усыновления влечет прекращение взаимных прав и обязанностей усыновленного ребенка и усыновителей (родственников усыновителей) (пункт 1); суд также разрешает вопрос, сохраняются ли за ребенком присвоенные ему в связи с его усыновлением имя, отчество и фамилия (абзац первый пункта 3).

В Определении от 17 декабря 2008 года № 1055-О-П Конституционный Суд Российской Федерации признал, что исходя из принципа соразмерности и вытекающих из него требований адекватности и пропорциональности используемых для регулирования общественных отношений правовых средств положения статьи 144 Семейного кодекса Российской Федерации в системе действующего правового регулирования не предполагают отказа – по причине несогласия усыновителя – в удовлетворении требования об отмене усыновления достигшему совершеннолетия усыновленному, в отношении которого усыновителем было совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Эти положения, подлежащие применению в системной связи со статьями 19 и 38 Конституции Российской Федерации, а также статьей 1 и пунктом 2 статьи 7 Семейного кодекса Российской Федерации, не могут рассматриваться как препятствующие суду удовлетворить требование об отмене усыновления, заявленное усыновленным по достижении совершеннолетия, и без согласия усыновителя, совершившего преступление против половой неприкосновенности усыновленного ребенка. Иное противоречило бы статьям 2, 18, 21, 23, 46 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Данный вывод согласуется и с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что осуществляемое законодателем правовое регулирование – исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также юридического равенства и вытекающих из них критериев

разумности, необходимости и соразмерности условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений – должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений. С учетом этого, по смыслу статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, под защитой которых находятся семья, материнство, отцовство и детство, в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке соответствующих законодательных ограничений должен лежать именно принцип максимального обеспечения интересов семьи и всех ее членов (постановления от 16 июня 2015 года № 15-П и от 2 марта 2021 года № 4-П).

4.2. Между усыновлением, отмена которого принципиально возможна после достижения ребенком совершеннолетия, и происхождением детей, удостоверенным в установленном законом порядке, как основанием для возникновения прав и обязанностей родителей и детей (статья 47 Семейного кодекса Российской Федерации) имеются различия, обуславливающие, в частности, то, что отмена усыновления, в отличие от лишения родительских прав, прекращает не только взаимные права, но и обязанности ребенка и усыновителя и предполагает изменение записи акта о рождении (пункты 1 и 3 статьи 143 Семейного кодекса Российской Федерации; статья 46 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»). Лишение же родительских прав по своей природе предполагает сохранение в определенных пределах правовой связи между родителем и ребенком. Так, оно не освобождает родителей от обязанности содержать ребенка (пункт 2 статьи 71 Семейного кодекса Российской Федерации), ребенок сохраняет имущественные права, основанные на факте родства с родителями и другими родственниками, в том числе право на получение наследства (пункт 4 той же статьи). Пункт 1 статьи 72 названного Кодекса, как отмечалось, допускает восстановление родителей, которые изменили поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка, в родительских правах.

Несмотря на эти различия, достигший совершеннолетия ребенок, родитель которого ранее совершил преступление против его половой

неприкосновенности, не может быть поставлен в неравное положение с усыновленным ребенком – потерпевшим от аналогичного преступления. Когда второй родитель (который, возможно, также пострадал от семейно-бытового насилия), а также компетентные органы и должностные лица не предприняли необходимых мер, на несовершеннолетнего потерпевшего, который не имел возможности самостоятельно защитить свои права (в том числе при рассмотрении уголовного дела), не могут быть возложены последствия того, что родитель, посягнувший на его половую неприкосновенность, не был своевременно лишен родительских прав.

В случае совершения родителем в отношении ребенка преступления, совершение которого является в соответствии с законодательством основанием для лишения родительских прав (в частности, преступления против половой неприкосновенности), само по себе сохранение помимо воли ребенка, достигшего возраста восемнадцати лет, его правовой связи с этим родителем (прав и обязанностей, кроме предусмотренных главой 12 Семейного кодекса Российской Федерации) затрагивает достоинство личности и ставит под сомнение эффективность гарантий защиты потерпевших от таких преступлений вопреки статьям 18, 19, 21 (часть 1), 23 и 52 Конституции Российской Федерации.

4.3. Как следует из приведенных в настоящем Постановлении положений семейного законодательства, лишение родительских прав, даже если бы оно допускалось в отношении достигшего совершеннолетия ребенка, не позволило бы окончательно прервать правовую связь родителя и ребенка, существующую при их жизни до тех пор, пока отцовство (материнство) не оспорено (статья 52 Семейного кодекса Российской Федерации) или ребенок не усыновлен (удочерен) (пункт 2 статьи 137 того же Кодекса).

Вместе с тем, как подтверждают, в частности, представленные заявительницей судебные постановления, отсутствие иных правовых механизмов прекращения правовой связи между ребенком и родителем, совершившим в отношении него преступление против половой неприкосновенности, обуславливает обращение в суд таких граждан,

достигших совершеннолетия, именно с требованием о лишении родителя родительских прав. В этой исключительной ситуации происхождение ребенка, удостоверенное в установленном законом порядке, а равно биологическое родство как факт объективной действительности, удостоверенный в установленном законом порядке, не могут предопределять сохранение прав и обязанностей родителя по отношению к совершеннолетнему ребенку, тем более что требования о лишении этого родителя родительских прав в отношении несовершеннолетних братьев (сестер) такого гражданина, скорее всего, будут удовлетворены, как это имело место в деле с участием заявительницы.

Между тем в деле с участием А. судья суда кассационной инстанции указал, что цели и мотивы обращения заявительницы в суд правового значения не имеют, поскольку соответствующее право ограничено в законодательном порядке и обусловлено возрастом.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации учитывает, что сложившиеся в правоприменительной практике подходы к истолкованию оспариваемых законоположений при предъявлении требований, направленных на лишение родительских прав в отношении несовершеннолетних детей и – в принципиальном плане – в отношении совершеннолетних детей, не расходятся с конституционными целями и ценностями. Однако отсутствие иной возможности прекратить правовую связь достигшего совершеннолетия ребенка с родителем, ранее совершившим в отношении него преступление, совершение которого является основанием для лишения родительских прав, предопределяет необходимость истолкования взаимосвязанных пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации как не препятствующих рассмотрению и удовлетворению судами исковых заявлений о лишении родительских прав, поданных совершеннолетними гражданами, в отношении которых до достижения ими совершеннолетия родителем совершено такое преступление. В ином случае нарушались бы предписания статей 2, 17, 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 38,

45, 46 (часть 1), 52 и 75¹ Конституции Российской Федерации. Удовлетворение же такого искового заявления поставит совершеннолетнего гражданина в положение, в котором он находился бы, будь его родитель своевременно лишен родительских прав.

Вместе с тем лишение родительских прав как таковое предназначено именно для охраны прав и законных интересов несовершеннолетних детей, которые не могут быть защищены иным способом. Соответственно, подобное истолкование и применение правил о лишении родительских прав возможно лишь постольку, поскольку законодательством не предусмотрен иной правовой механизм, позволяющий прекратить правовую связь между родителем и достигшим совершеннолетия ребенком и, следовательно, обеспечить защиту интересов совершеннолетних граждан, родители которых ранее совершили в отношении них преступление, совершение которого является основанием для лишения родительских прав, притом что отдельные меры отраслевого характера, закрепленные законом, в качестве достаточной гарантии защиты прав таких лиц рассматриваться не могут. С учетом этого федеральный законодатель, не ограничиваясь уже имеющимися мерами (в частности, в сфере алиментных и наследственных правоотношений), не лишен возможности с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, внести в действующее правовое регулирование изменения, обеспечивающие комплексную защиту прав граждан в рассматриваемой ситуации посредством прекращения правовой связи таких родителей и детей.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные пункт 1 статьи 54, пункт 2 статьи 61 и статью 69 Семейного кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему

конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не препятствуют рассмотрению и удовлетворению судами исковых заявлений о лишении родительских прав, поданных совершеннолетними гражданами, в отношении которых до достижения ими совершеннолетия родителем совершено преступление, совершение которого является основанием для лишения родительских прав.

Придание взаимосвязанным пункту 1 статьи 54, пункту 2 статьи 61 и статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации иного смысла приводило бы к нарушению конституционных прав совершеннолетних граждан, в отношении которых ранее родитель совершил преступление, и вступало бы в противоречие со статьями 2, 17, 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 38, 45, 46 (часть 1), 52 и 75¹ Конституции Российской Федерации.

2. Конституционно-правовой смысл взаимосвязанных пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные постановления, вынесенные по делу гражданки Республики Узбекистан А. на основании взаимосвязанных пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно, не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 49-П

Конституционный Суд
Российской Федерации